

Соб. Кирбугра. - 1996. - 12 янв. - с. 11

Андрей Борейко — это имя уже хорошо известно в музыкальных кругах, несмотря на то, что для дирижера его возраст можно было бы назвать «младенческим». Ему тридцать три, однако его выход на профессиональную сцену был стремительным. Не только потому, что он — представитель редкой, штучной профессии, которая гораздо заметнее, чем, скажем, профессия пианиста или скрипача. Его творческой личности присущи черты нового поколения — раскрепощенность мышления, общительность в широком смысле этого слова, уверенность в своем призвании и своих силах. Во всяком случае такое впечатление он производит и в жизни, и на сцене. Это он, став вторым дирижером Ульяновского оркестра, организует нетрадиционный любительский клуб и передачи по местному телевидению, соединяет в концертах и в разговорах о музы-

ке самую разную стилистику, вплоть до рока. В результате в Ульяновске — в том числе благодаря содружеству с блестящим, но более академичным 34-летним главным дирижером Николаем Алексеевым — появляется стабильная симфоническая публика. Вообще альянс двух молодых дирижеров для нашей, опутанной личными взаимоотношениями, замешанными на соперничестве, интригах, недоброжелательстве, музыкальной жизни нетипичен, даже уникален. Два талантливых музыканта нашли возможность прекрасно работать вместе, вместе расти в одном оркестре, сохранить чистоту отношений и возвышенность целей. Полгода назад Андрей Борейко стал главным дирижером и художественным руководителем Уральского филармонического оркестра. Насколько типична его судьба — с этого вопроса начался наш разговор с ним.

Андрей Борейко:

«РИСКНУ СКАЗАТЬ «МЫ»

— Я воспитанник ленинградской культуры, хотя она уже сегодня — явление вымирающее. Мой путь похож на путь многих дирижеров ленинградской школы. Та же схема: капелла, хор мальчиков, где моим первым учителем был Федор Михайлович Козлов. Потом Ленинградская консерватория, дирижерско-хоровой факультет, профессор Елизавета Петровна Кудрявцева, у которой учились Китаенко, Дмитриев, Мынбаев, Зива, Мартынов. Через нее руки прошли очень многие. После армии решил идти на оперно-симфонический, учился у А. Дмитриева. На третьем курсе благодаря приглашению Николая Алексеева получил возможность работать с Ульяновским оркестром. Чрезвычайно признателен Н. Алексееву за такую возможность, да и город, людей вспоминаю с огромным теплом. В августе 1989 года получил третью премию на конкурсе памяти Кирилла Кондрашина в Амстердаме. Так что моя судьба типична в том смысле, что я принимал участие в конкурсах — с этого многие начинают. В то же время в чем-то она нетипична. Многие мои коллеги, даже после самых ярких побед на конкурсах, делают все для того, чтобы не уезжать из Ленинграда или Москвы. Оставаясь же в столицах, они часто лишаются возможности творческого роста. Я убежден, что в начале карьеры нужно уезжать. Куда угодно, лишь бы был коллектив. Когда живешь в столице, то кажется, что музыкальной жизни в провинции нет. Очень многие относятся скептически к этому. Но это не так. И вообще так не должно быть. Само слово «провинция», если мы хотим жить в России, нужно убрать из нашего лексикона. В развитых странах это понятие давно не существует. Есть столицы стран, есть города. А что такое для нас провинция? Это то, где ничего нет. Нет еды, людей, культуры, книг.

— Культура Свердловска, на наш взгляд из Москвы, сегодня переживает подъем. Замечательный оперный театр, организуется Малый оперный и Камерный оркестр, да и вы успели за полгода сделать немало. Кажется, вы начинаете смещать акценты в этих понятиях — столица — провинция?

— Да, Свердловск — город активный. И я ехал сюда с большим воодушевлением, выбрав между тремя предложениями — Одесса, Куйбышев, Свердловск — в пользу последнего. Все-таки город университетский, своя консерватория. Я рассчитывал, что инициативная работа может принести немалые результаты. Однако я не учел демографических особенностей. В Свердловске большая часть населения — рабочие. Сегодня никто уже не может людям ничего навязать, да и

не нужно. Люди выбирают сами. А они предпочитают сидеть за закрытыми на все замки дверями и смотреть телевизор. И здесь вряд ли что-то можно решить необычными абонементами, качеством музыкальных программ, а Уральский филармонический оркестр — один из лучших в России, он в прекрасной форме. Хотя, знаете, если меня раньше прежде всего беспокоил вопрос зрителя, слушателя, то сегодня центр моего беспокойства сместился в сторону музыканта. Мы его теряем. И в таких темпах, что в конце сезона мы можем просто превратиться в камерный оркестр.

— Вас тоже коснулся массовый отъезд музыкантов?

— У нас проблемы еще более сложные, чем в столичных оркестрах. Около двадцати человек от нас ушло, в основном сильные музыканты, это огромная творческая потеря.

Знаете, в Советском Союзе дирижер всегда был администратором. Но сегодня он должен быть только администратором. Если бы я имел возможность дать пять квартир в год, два раза вывезти оркестр в зарубежные гастроль, если бы я мог организовать распродажу для коллектива, то я был бы замечательным дирижером. Среди музыкантов стало слишком много разговоров о материальном. В таких условиях заниматься творчеством почти невозможно. Оно все-таки предполагает какое-то возвышение души. А куда деться? Музыканты, как известно, относятся к одной из самых низкооплачиваемых категорий в нашей стране. Летом мы им повысили, наконец, зарплату на сто рублей (теперь они получают от 240 до 375). Сделай это года два назад, это воспринималось бы совсем иначе. А сейчас они поговорили с московскими коллегами, которые получают до тысячи в месяц, откуда же у них возьмется настроение, желание работать?

У меня нет рецептов, что делать, как быть. Да если бы они и были, то они были бы маниловскими. Я думал, что главное — высококачественно работать, но сегодня материальное обеспечение оркестров дало бы больше.

— Свердловск — промышленный город, даже в самые застойные годы находил возможность поддерживать культуру — прекрасно отстраивовал оперный театр. Неужели сегодня, при проявлении некоторых свобод, у вас нет спонсоров? Ведь город только от этого выиграет!

— Конечно, спонсоров надо искать. Но если у Михаила Васильевича Плетнева очередь из спонсоров — они понимают, что под эту марку можно работать, так как гастроль у нового коллектива запланированы на несколько лет вперед, то на

нас наши промышленники смотрят выпученными глазами, не понимая, что мы от них хотим — и это при прекрасных, замечательных личных отношениях со многими из них. «Зачем?» — говорят они. — Нам этого не надо». Филантропов и меценатов нет. Я их не нахожу. А ведь действительно в Свердловске масса богатейших предприятий. «Уралмаш» например. Что им стоит одеть и обуть оркестр — пара пустяков.

А вот Камерный оркестр — недавно образовавшийся — нашел спонсоров. Мне, конечно, было больно — из симфонического ушли прекрасные музыканты. Но я не мог препятствовать. Мобильный коллектив, много ездит. Симфонический коллектив «раскрутить» трудно. Да и везти его — огромные затраты.

— Многие годы в зарубежные гастроль ездили почти исключительно московские и ленинградские коллективы. Да еще, пожалуй, Новосибирский. Сейчас появились возможности и для других российских коллективов.

— Да, но здесь тоже есть свои проблемы. На международном рынке эти оркестры соглашаются играть за демпинговые цены, цены сбиты до неприличия. А ни один уважающий себя импресарио не будет слушать оркестр, который готов играть за гроши, лишь бы выехать. Вообще сегодня мы постепенно теряем свое реноме. Дело в том, что из Союза хлынула волна средних музыкантов. Они тоже сбивают цены на западном рынке. Вообще происходит бесконечный процесс. Из столичных оркестров бегут за рубеж. От нас бегут в столичные, потом ищут зарубежные контракты. А если уж отменяют прописку, то и вовсе наши оркестры опустеют. Придется менять профессию, идти в управдомы. Это шутка. Хотя дирижер без музыкантов — ничто...

— Вы принимали участие в последнем фестивале «Московская осень» и наверняка знаете об инциденте, который произошел с Нижегородским оркестром, отказавшимся выступать в трех концертах. Как вы относитесь к этой ситуации? И на чьей вы стороне? Ведь Московский союз комментирования отказ оркестра играть на фестивале однозначно — неподготовленностью к концертам, а ситуацию с плохим расселением в гостинице — как предлог!

— Я хочу заявить от своего имени, от имени моего оркестра: мы не только полностью солидарны с Нижегородским оркестром, но и поступили бы в этой ситуации точно так же. Зная этот коллектив, его художественного руководителя Владимира Зиву, я готов отдать руку на отсечение, что оркестр не мог приехать неподготовленным. Просто нельзя относиться

к музыкантам, как к изгоям. Например, Ярославский оркестр на том же фестивале поселили по восемь человек в номере. А помните, что говорил на пресс-конференции Чикагского оркестра его директор? Музыканты — народ тонкий, и этот настрой души надо оберегать, надо даже потакать их капризам — только тогда они могут с полной отдачей заниматься творчеством, выкладываться на репетициях и концертах. Разве так относиться у нас к оркестрантам?.. Я убежден, что если бы не случай с Нижегородским оркестром, то в подобную ситуацию попал бы наш коллектив. Да и как можно обвинять Зиву в том, что он не был готов, когда он шесть раз до этого принимал участие в «Московской осени»? Это при том, что почти ничего, что играет на этом фестивале, невозможно держать постоянно в репертуаре, музыка звучит в первый и в последний раз. А по большому счету, для Нижегородского оркестра этот инцидент — к лучшему. Теперь с ними так больше не поступят. Может быть, их не пригласят в Москву, это вполне возможно, но это будет скорее потерей для Москвы.

— Андрей Викторович, после успеха в Амстердаме вы получили возможность иногда выступать с европейскими оркестрами. Не возникает ли у вас самого желания примкнуть к веренице дирижеров, работающих по зарубежным контрактам?

— Да, действительно, у меня неплохие гастроль за рубежом. И все же я хочу что-то сделать здесь, у себя в стране, хотя надежды становятся все менее реально осуществимыми.

В стране подросло новое поколение молодых дирижеров — 30-летних. Лауреат двух международных конкурсов Николай Алексеев, лауреат также двух конкурсов Гинтарас Ринкявичюс, талантливый Владимир Зива, лауреат второй премии на очень престижном конкурсе в Японии Александр Титов. Что вы о них знаете? Где они? Где концерты, пластинки, информация? Их уже узнали и оценили в Германии, Венгрии, Японии, США, КНДР, Чехо-Словакии, а у себя дома? Что, опять нет пророка в своем отечестве?

Рискну сказать «мы». Мы хотим работать! Мы хотим делиться с людьми тем, что нам дала наша страна, обучив и воспитав нас. Мы хотим становиться лучше, не останавливаясь в развитии, получать информацию, видеть, слышать, трогать своими руками! Обидно, конечно, что лишь несколько городов в стране имеют постоянную, воспитанную музыкальную аудиторию. Но их не станет больше, если работающие на периферии молодые дирижеры не получат возможностей для своего роста и развития. Дирижер — посредник между оркестром и слушателем, который только тогда будет выполнять свои функции, когда сам будет постоянно совершенствоваться, видоизменяться в зависимости от меняющегося облика всего музыкального мира. А иначе...

Пока есть силы, здоровье и желание, я хочу работать с пользой для общества. И я не одинок.

Беседу вел
В. КОЛОСОВА.

СВЕРДЛОВСК.